

Тедеева Нина Васильевна

ИЗМЕНЕНИЯ В СФЕРЕ СЕМЬИ И БРАКА ЖЕНЩИН СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКИХ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ 1920-1930-Х ГОДОВ

В статье подвергаются анализу изменения, произошедшие в Северной Осетии в области семьи и брака в ходе модернизационных процессов 1920-1930-х гг., кардинально изменивших частную жизнь женщины-горянки. Основное внимание автор акцентирует на комплексе мер, принятых большевиками в 1920-1930-е гг., связанных с формой регистрации брака, переходом к новому репродуктивному поведению и государственной заботе о материнстве и детстве.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/4-2/48.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (42): в 2-х ч. Ч. II. С. 183-186. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. **Аджинджал И. А.** Из этнографии Абхазии. Сухуми, 1965. 190 с.
2. **Акты Кавказской археологической комиссии (АКАК).** Т. III. / под ред. А. П. Берже. Тифлис, 1869. 768 с.
3. **Алексеева Е. П.** Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971. 354 с.
4. **Бахиа-Окруашиви С. И.** Абхазы: этнографический очерк [Электронный ресурс]. URL: http://kolhida.ru/index.php3?path=_etnography/arts/&source=03 (дата обращения: 10.02.2014).
5. **Бутков П. Г.** Материалы для новой истории Кавказа с 1720 по 1803 гг. СПб., 1869. Т. I. 659 с.
6. **Дебу И. Л.** О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске, или Вообще замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах. СПб., 1829. 463 с.
7. **Иванов И. И.** Материалы для истории Кавказского края // Кобыкова Д. А. Указатель географического, статистического, исторического материала в «Ставропольских губернских ведомостях». Тифлис, 1879.
8. **История Зольского района** [Электронный ресурс]. URL: http://www.kbrlife.ru/2007/04/02/istorija_zolskogo_rajjona.html (дата обращения: 10.02.2014).
9. **Кокиев Г. А.** К истории междоусобной борьбы кабардинских феодалов в XVIII веке // История Кабардино-Балкарии в трудах Г. А. Кокиева. Нальчик: Эль-Фа, 2005.
10. **Лавров Л. И.** Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978. 286 с.
11. **Мец А.** Мусульманский Ренессанс. М.: Наука, 1973. 473 с.
12. **Невская В. П.** Аграрный вопрос в Карачаево-Черкесии в эпоху империализма. Черкесск, 1972. 216 с.
13. **Фадеев А. В.** Вовлечение Северного Кавказа в экономическую систему пореформенной России: к проблеме развития капитализма в ширь // История СССР. 1959. № 6.
14. **Челеби Э.** Книга путешествия: земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979. Вып. 2. 287 с.
15. **Щербина Ф. А.** История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1913. Т. II. 904 с.

DEVELOPMENT OF CRISIS PHENOMENA IN SYSTEMS OF THE ABAZINS' ETHNO-RECREATION**Tabulov Amir Kerimovich***Karachai-Cherkess Institute for the Humanities**tabulov.amir@yandex.ru*

The article is devoted to the analysis of the factors that have been decreasing the vital potential of the Abazins for the last three centuries in their history. The author hypothesizes about the gradual deconstructurization of the Abazin society, considers the complex of the external and internal reasons of this phenomenon, reasonably connecting the specific examples of the Abazins' deethnization and assimilation processes with the breakup stages of the intra-ethnic relations systems of various origin – from estate and legal to economic ones.

Key words and phrases: the Abazins; ethno-recreation; deconstructurization of ethno-socium; autochthonous; demographic disaster; assimilation; status of the Abazin feudalists; suzerain-vassal interrelations; acculturation; stereotype; identification.

УДК 94(470)

Исторические науки и археология

В статье подвергаются анализу изменения, произошедшие в Северной Осетии в области семьи и брака в ходе модернизационных процессов 1920-1930-х гг., кардинально изменивших частную жизнь женщины-горянки. Основное внимание автор акцентирует на комплексе мер, принятых большевиками в 1920-1930-е гг., связанных с формой регистрации брака, переходом к новому репродуктивному поведению и государственной заботе о материнстве и детстве.

Ключевые слова и фразы: большевики; женщины Осетии; охрана материнства и детства; раскрепощение горянки; репродуктивное поведение; регистрация брака.

Тедеева Нина Васильевна, к.и.н.*Северо-Осетинский государственный педагогический институт**tedeewanina@yandex.ru***ИЗМЕНЕНИЯ В СФЕРЕ СЕМЬИ И БРАКА ЖЕНЩИН СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ
В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКИХ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ 1920-1930-Х ГОДОВ[©]**

Современные исторические и социологические исследования в области советских модернизаций 1920-1930 гг. осветили как утопичность некоторых положений, так и противоречивость его последствий. Однако преобразования, произошедшие после прихода к власти партии большевиков, коренным образом изменили прежние представления о месте и роли женщины в семейной и общественной жизни.

На протяжении 1920-1930-х годов в стране были развернуты модернизационные процессы, направленные на решение вопросов социалистического строительства. Развернувшееся общественное производство не могло обойтись без женского ресурса. На каждом этапе большевики ставили относительно женской массы страны новые задачи, но степень их успешного решения во многом зависела от того, будет ли сформирован правовой, социально-экономический и общественно-политический статус женщины нового государства. Марксизм, ставший идеологической основой строящегося общества, рассматривал гендерные различия во власти и статусе лишь как отражение классовых различий, но безусловной его заслугой являлся тезис о необходимости освобождения женщины от социального и экономического неравенства [12, с. 183]. Столкновение нового со старым, уходящим миром, как в жизни, так и в сознании людей протекало довольно болезненно. Горянка, несмотря на изменения, пришедшие в ее жизнь, по-прежнему оставалась носителем специфических черт, порожденных прежними историческими, социально-экономическими и бытовыми условиями. Предоставление ей юридического равноправия не решало вопроса ее внутреннего раскрепощения.

Северному Кавказу до революции была присуща высокая рождаемость, обусловленная ранними браками и отсутствием внутрисемейного контроля над рождаемостью. Женщины Осетии, как и все кавказские женщины, отличались репродуктивным поведением и были нацелены на максимальное количество рождений.

Во второй половине 1920-х годов под влиянием социально-экономических трансформаций, традиционная горская семья претерпела ряд изменений. Этот период отразил одно из основных противоречий для женщин той эпохи: между семейной и общественной жизнью. При утверждении равенства, в стране явно доминировал мужской тип поведения и мышления. В послереволюционные годы, несмотря на эмансипационные процессы, женщина почти неизбежно попадала под влияние мужского идеала и, перенимая соответствующее поведение, стремилась к лидерству.

Высокая ценность семейной жизни у женщины-горянки не потеряла остроты, но брачные отношения перестали быть стабильными. В 1925 году Владикавказское Статистическое Бюро опубликовало следующую статистику разводов по городу Владикавказу: январь-июнь 1923 года – 17, июль-декабрь – 19, январь-июнь 1924 года – 26, июль-декабрь – 32 [2]. Несомненно, это было связано с упрощением процедуры бракоразводного процесса и принятием в стране ряда законов в области семьи и брака, которые должны были способствовать формированию нового типа семьи, освобожденной от существовавших ранее ограничений. Регистрация брака даже стала рассматриваться, как пережиток буржуазных отношений, который исчезнет со временем за ненадобностью [7, с. 177].

Однако в специфических условиях Северного Кавказа сохранение патриархального быта продолжало оставаться определяющим до середины 1920-х годов. Связано это было с тем, что рамки сельской общины, тотальное влияние традиций делали жизнь женщины прозрачной для окружающих. Цензура нравов, от которой было невозможно укрыться, способствовала тому, что единственно приемлемой формой материнства было материнство в законном браке.

Лишь к концу 1920-х намечаются перемены во внутрисемейных отношениях. Эти изменения сказались на сокращении престижа главы семьи над остальными членами и, как следствие, раскрепощении женщины-горянки, которое объяснялось как демографическими факторами (более поздним вступлением в брак осетинки, участвовавшими разводами, вдовством, что сокращало общее время поддержания супружеских отношений) [5, с. 39], так и переоценкой своей роли в семье, браке, обществе. Шла переориентация семейно-бытовых ценностей на общественные [13, с. 258].

Происходящие перемены сказывались на изменении традиционного репродуктивного поведения женщин, что проявилось в контроле над рождаемостью. Широкое распространение получила операция искусственного прерывания беременности – аборт. За первые годы советской власти аборт прошел все стадии, от революционного явления после его легализации, символизируя раскрепощение женщины, до уродливых форм социального бедствия. Легализован аборт был постановлением от 18 ноября 1920 года, принятым Наркомздравом и Наркомюстом [7, с. 182]. В 1922-1924 гг. по неполным данным в сельской местности РСФСР было произведено 150 тыс. абортов и свыше 3 тыс. смертельных исходов, причина которых в основном заключалась в том, что операции не были проведены в больничных условиях [Там же, с. 207]. Искусственное прерывание беременности в частной практике предлагалось запретить [10, д. 36, л. 61].

В ноябре 1920 года был принят декрет «О защите женского здоровья», суть которого заключалась в борьбе с подпольными абортами посредством замены их безопасными и законными. Это получило широкую поддержку в периодической печати. Пропаганда велась как в центральных журналах, таких как «Работница», «Коммунистка», «Крестьянка», охватывавших на первых порах все социальные слои женской читательской массы, так и на местах. В местных партийных газетах, в частности, в «Горской правде» два раза в месяц выходила женская страничка «Работницы и Горянки», в журналах «Горянка» и «Труженицы Северного Кавказа» можно было встретить материалы такого рода: «В нашей станице появилась самозванная акушерка, которая своим лечением уже не одну гражданку отправила на тот свет. Известная у нас под кличкой — «Кривчиха», она хвалилась, что не имеет столько волос на голове, сколько на своем веку она сделала абортов...» [1]. Вместе с тем широкая пропаганда против абортов велась среди самих женщин, им оказывалась материальная помощь и моральная поддержка, чтобы удержаться против их производства.

Тем не менее, до середины 1930-х годов численность абортов увеличивалась, причем как в городской, так и сельской местности. По Северному Кавказу с января по июнь 1925 года медицинским работникам пришлось столкнуться с 6596 эпизодами искусственного прерывания беременности, было выдано 5245 разрешений

на аборт, отказано в 713 эпизодах. Только зарегистрированных учреждениями Наркомздрава случаев прерывания беременности насчитывалось 700 тыс., не включая нелегальных эпизодов [11, с. 29]. Очень высока была естественная смертность среди детей. Данные по Владикавказу за 1923 год – 42,7% от всей смертности, она понизилась в следующем году до 36,3%, но и это были очень высокие цифры [2].

В 1936 году вступает в силу постановление ВЦИК и СНК СССР «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовных наказаний за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах», принятие которого существенно повлияло на рождаемость [9, с. 32]. Показатель рождаемости повысился с четверти сотни младенцев на 1000 человек в 1935 году до почти 31 младенца на такое же количество в 1940 году [11, с. 48].

Материнство было признано важной социальной функцией, и государство взяло на себя создание соответствующих мер, тем самым повысив ценностно-деятельный статус женщин. Социальное обеспечение материнства рассматривалось как необходимое условие осуществления фактического равноправия женщин и мужчин. Еще в 1917 году был подписан декрет об учреждении отдела охраны материнства и младенчества при Наркомате государственного призрения [4]. В декрете материнство признавалось важной социальной функцией женщины и подтверждалось, что государство принимает на себя заботу о здоровье матери и ребенка. В постановлении Народного комиссариата государственного призрения РСФСР все учреждения, обслуживающие детей, объединялись в одну государственную организацию. Цель этих действий – «...продолжить выполнение одной общегосударственной задачи – создание сильных духовно и физически граждан» [8, с. 126]. Матерям предоставлялась бесплатная медицинская помощь, беременные и кормящие матери получали удвоенные пайки, принимались меры по организации детского питания (молочные кухни), устанавливалось пособие на приобретение предметов ухода за новорожденными и кормления ребенка в течение первых трех месяцев.

Были введены специальные карточки для детей до одного года, согласно постановлению СНК СССР «Об усилении детского питания». Норма составляла: одну бутылку молока в день, три яйца в неделю, полфунта сахара в месяц, или один фунт меда, один фунт жиров в месяц [4, с. 131, 193]. 22 февраля 1921 года был подписан декрет «О мерах к осуществлению коммунального питания детей», а в марте вышел декрет «Об организации питания в сельских школах» [3, с. 68-69].

На Северном Кавказе секции охраны материнства и детства начали создаваться в 1920 году. Создавались дома матери и ребенка, дома сирот, детские ясли, детские сады. Открытие детских яслей имело первостепенное значение, т.к. уход за детьми раннего возраста привязывал горянку к дому, препятствуя ее участию в общественном труде, приоритет которого был обозначен государством. В 1922 году во Владикавказе уже функционируют ясли на четверть сотни детей до 3-летнего возраста и на такое же количество детей до годичного возраста, убежища матери и грудного ребенка на 30 матерей и детей, а также на 15 сирот-грудников [6, с. 248]. Был организован родильный приют и при городской больнице родильное отделение. Для детей во Владикавказе существовала амбулатория, в округах при окружных больницах по 5 коек для рожениц [14, д. 56, л. 35]. Летом, во время посевной и уборочной кампаний, организовывались при колхозах ясли. Им уделялось особое внимание, т.к. в них остро нуждались, но первое время они не имели специализированных помещений. Правления колхозов стали выделять при полевых станах комнаты для детей, было улучшено их питание. Для создания кадров, ухаживающих за детьми, проводились специальные курсы среди колхозниц для подготовки персонала [15, д. 5, л. 18]. С 1928 г. по 1934 г. в Северной Осетии было организовано: постоянных яслей – 31, с количеством мест на 1125 малышей, сезонных яслей – 146, с количеством мест на 4080 малышей [6].

Наркомздрав постоянно увеличивал ассигнования на здравоохранение: за 1929/30 год на нужды здравоохранения в Северной Осетии было израсходовано 1222 тыс. руб. против 803 тыс. руб. предшествующих двух лет [Там же]. Первоочередной становилась задача по сокращению детской смертности, для ее решения в стране было открыто 1500 акушерско-гинекологических и лечебно-профилактических учреждений. Охват рожениц больничной помощью во Владикавказе с 1927 года по 1930 год составил 7578 рождений [Там же]. К 1934 году все фельдшерские пункты в области были реорганизованы в фельдшерско-акушерские, и количество акушеров в них составило 34 человека [Там же]. С 1935 года родильные койки были развернуты при всех существующих врачебных амбулаториях и фельдшерско-акушерских пунктах. К 1939 году в Северной Осетии было развернуто 5 родильных домов, в том числе 4 в селах, с 54 койками [15, д. 5, л. 18].

Таким образом, модернизационные процессы 1920-1930-х гг., связанные с приходом к власти партии большевиков, для женщин Осетии ознаменовались началом новой формы регистрации брака, переходом от старого типа репродуктивного поведения к новому и государственной заботой о материнстве и детстве.

Список литературы

1. **Власть труда.** 1925. 27 января.
2. **Власть труда.** 1925. 6 февраля.
3. **Декреты Советской власти.** М.: Политиздат, 1957. Т. 1. 130 с.
4. **Декреты Советской власти.** М.: Политиздат, 1964. Т. 3. 240 с.
5. **Дзагурова Н. Х.** Фактор партнерства в гендерных отношениях // Проблемы всеобщей истории и политологии: сб. науч. тр. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2009. Вып. 2. 254 с.
6. **Культурное строительство в Северной Осетии:** сб. документов и материалов. Орджоникидзе: Ир, 1974. Т. 1. 315 с.
7. **Население России в 20 веке. Исторические очерки. 1900-1939.** М.: Политиздат, 2000. Т. 1. 432 с.

8. О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовных наказаний за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах // Кодекс законов о браке, семье и опеке. М.: Политиздат, 1938. 164 с.
9. Об охране здоровья народа: Постановление КПСС и Советского правительства. М.: Политиздат, 1958. 56 с.
10. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 10.
11. Сифман Р. И. Динамика рождаемости в СССР. М.: Наука, 1974. 86 с.
12. Тедеева Н. В. Некоторые аспекты раскрепощения женщин Осетии в контексте решения большевиками женского вопроса // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 77. С. 182-186.
13. Хугаева Л. К. Тенденции социальной и культурной политики в городе Владикавказ в начале 30-х годов XX века // Советская социальная политика 1920-1940-х гг. в Северной Осетии. М.: Парнас, 2013. 360 с.
14. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Северная Осетия-Алания (ЦГАИПДРСО-А). Ф. 204. Оп. 1.
15. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГАРСО-А). Ф. 384. Оп. 7.

CHANGES IN SPHERE OF FAMILY AND MARRIAGE OF WOMEN IN NORTH OSSETIA IN CONTEXT OF SOVIET MODERNIZATION PROCESSES IN THE 1920-1930S

Tedeeva Nina Vasil'evna, Ph. D. in History
North Ossetia State Pedagogical Institute
tedeevanina@yandex.ru

The article analyzes the changes that happened in North Ossetia in the sphere of family and marriage during modernization processes in the 1920-1930s, which significantly changed the private life of a woman – mountain dweller. The author pays special attention to the complex of measures taken by the Bolsheviks in the 1920-1930s related to the form of marriage registration, transition to new reproductive behavior and the state concern for maternity and childhood.

Key words and phrases: the Bolsheviks; women of Ossetia; protection of maternity and childhood; emancipation of woman – mountain dweller; reproductive behavior; marriage registration.

УДК 94(470)

Исторические науки и археология

В конце 1930-х годов, благодаря самоотверженному труду советского народа по реализации пятилетних планов развития народного хозяйства, в Советском Союзе была создана мощная производственная база, способная производить любые виды продукции. Данное обстоятельство в значительной мере изменило характер внешних экономических связей нашего государства с зарубежными странами. В статье раскрыты основные направления военно-технического сотрудничества СССР и США, дана характеристика импортным закупкам в области военно-морской техники и вооружения в конце 1930-х годов.

Ключевые слова и фразы: военно-техническое сотрудничество; военно-морская техника и вооружение; военно-морской аташе; лицензия; патент; линкор; импортные закупки; моторы; Комитет обороны Совета народных комиссаров.

Федулов Сергей Валентинович, к.и.н., доцент

Военно-космическая академия имени А. Ф. Можайского, г. Санкт-Петербург
serg.val.fed.661000@yandex.ru

ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СССР И США. ХАРАКТЕРИСТИКА ИМПОРТНЫХ ЗАКУПОК В ОБЛАСТИ МОРСКОЙ ТЕХНИКИ И ВООРУЖЕНИЯ В КОНЦЕ 1930-Х ГОДОВ[©]

Одним из партнёров Советского Союза по военно-техническому сотрудничеству в области военно-морской техники и вооружения в исследуемый период были Соединённые Штаты Америки. Данное сотрудничество велось по разным направлениям. Одно из них – получение информации о новинках техники, вооружения, перспективах их развития через военно-морского аташе СССР в США П. Ю. Ораса. В своих доносениях он сообщал следующее: «29 октября 1934 года осмотрел эскадренный миноносец «Фаррагут», где визуально определил, что электроаппаратура на нем изготовлена фирмой «Дженерал Электрик», торпедные аппараты 4-х трубные, но приборов управления торпедной стрельбой (ПУТС) не было видно, да и другие данные не предоставлялись» [3, д. 288, л. 2].

Военно-морской аташе представил: выдержки из годового отчета Бюро вооружений Морского министерства США за 1934 год (вопросы проектирования, приобретения, и производства боевого снаряжения,